

Г. Г. Шаповалова

ДИАЛОГ В РУССКОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

Диалоги изучались до сих пор главным образом как литературное и драматургическое средство выразительности. В фольклоре, и особенно обрядовом, они пока еще почти не исследованы. В то же время именно фольклорный диалог выступает, по определению Л. П. Якубинского, как явление «культуры»¹. Лишь в диалоге, писал Л. В. Щерба, «язык обнаруживает свое бытие»². Диалогическую речь можно определить, как особый тип речевого поведения, рассматриваемый с точки зрения коммуникативности и векторности направленно-речевого обмена³.

По структуре речевая организация диалога представляет собой цепь сменяющих друг друга реплик. В свою очередь реплика — одна из тех языковых единиц, которые отражают специфику диалога. С реплицированием связаны многие синтаксические особенности диалога: краткость его синтаксических конструкций, своеобразие их сочетания друг с другом, специфика функций членов предложения и т. д.⁴

С точки зрения синтаксического строения диалогическая речь неоднородна. Так, далеко не все реплики самостоятельны в своих формах и в смысловом отношении⁵.

Речь одного собеседника чередуется с речью другого (или других) в порядке смены (один кончил — другой начал) или прерывания⁶. Интервал между двумя последовательными репликами используется говорящими для восприятия речи собеседника и подготовки ответа ему⁷.

Во взаимном обмене репликами проявляется речевая деятельность человека; это как бы единство общения и обобщения⁸.

Диалогичность — свойство как двухнаправленной (два вектора), так и однонаправленной (один вектор) речи, т. е. той, которую принято называть монологической. Так, по наблюдению А. В. Пименова⁹, коммуникативная способность речевых поступков неодинакова и зависит от включения говорящего в коммуникативную цепь и от особенностей функционирования этой цепи.

В литературных и драматургических произведениях диалог играет очень важную роль, так как в нем, как правило, проявляются и отстаи-

¹ Л. П. Якубинский. О диалогической речи. — «Русская речь», Пг., 1923, с. 139.

² Л. В. Щерба. Восточно-лужецкое наречие, т. I, Пг., 1915, с. 4.

³ А. В. Пименов. Управление собственным речевым действием в диалоге. Автореферат канд. дис. М., 1971.

⁴ И. П. Святогор. Типы диалогических реплик в современном русском языке. М., 1967, с. 3.

⁵ Там же.

⁶ Л. П. Якубинский. Указ. раб., с. 139.

⁷ Там же.

⁸ А. В. Пименов. Указ. раб.

⁹ Там же.

ваются идейно-философские проблемы, воплощается идейное содержание художественного произведения.

Диалог помогает раскрыть характеры действующих лиц, образует различные ситуации и коллизии. Он ведет к развитию сюжета, являясь органической частью художественного произведения ¹⁰.

* * *

Все эти общие положения характеризуют диалог как одну из форм разговорной речи и относятся в основном к литературным произведениям. Задача настоящей статьи несколько иная — проследить за проявлениями диалога в **устном народно-поэтическом творчестве**.

Диалог в свадебном обряде возник до каких-либо литературных форм. В действиях и речах свадебных «чинов» сохранились самые различные «культурные слои» развития человеческого общества. Их диалоги донесли до нас отзвуки верований и представлений, которые были свойственны предкам. В иносказаниях, насыщающих свадебные диалоги, просматриваются обереги и табу, пронизывавшие жизнь, быт, личные и общественные отношения.

Магическая функция слов дошла до нас в виде тех шаблонов и аналогов, которые характерны для свадебной игры и придают ей неповторимое своеобразие. Тем самым, между бытовой и обрядовой речью можно провести четкую грань, ибо с изменением речевой функции происходит и переконструирование ее строя ¹¹.

Большую роль при определении функции речи играет обстановка, в которой она произносится. По словам Л. П. Якубовского, «говорение в связи с определенным шаблоном быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора» ¹². Это высказывание относится к бытовому разговору, диалогу, но тем более оно применимо к обрядовому диалогу. Шаблонная ситуация обряда (в первую очередь свадебного) требует и шаблонного диалога. В других, не свадебных обрядах диалог встречается значительно реже. Почему диалог особенно присущ свадебной обрядности? Объяснение этому следует искать в самой структуре общинно-родового строя, когда представители одного рода являлись к представителям другого, чтобы получить в свою общину продолжательницу рода и молодую работницу.

Поскольку род, из которого брали невесту, терял работницу, требовалась компенсация, выкуп. Происходил своеобразный торг, который со временем утратил свое реальное значение и превратился в традицию, игру, как и весь свадебный обряд. Ведь последний, начиная со сватовства и кончая «почестьем», носит твердо установленный, традиционно-ритуально-игровой характер. Участники свадебной игры словно уходят из повседневной жизни и попадают в другой круг действий и общения. Это подчеркивается и характером свадебных персонажей. Так, простая крестьянка Даша после сватовства становится невестой, княгиней; ее суженый Ваня — женихом, князем, его отец — тысяцким, подруги — подбоярками, отец невесты — сватом и т. д.

Может быть, именно в стремлении не называть участников свадебного обряда своими именами, или, вернее, давать им условные «имена»,

¹⁰ И. Д. Финкельштейн. Функции диалога в романе Хемингуэя «Прощай, оружие!» — «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», Горький, 1968, с. 331—333.

¹¹ А. В. Пименов. Указ. раб.

¹² Л. П. Якубинский. Указ. раб., с. 174.

чтобы «отвести порчу» и проявлялось некогда «табу слов»¹³. Вполне естественно, что диалоги, звучащие во время свадебной игры, носили не бытовой, а ритуально-традиционный характер. Это не исключало осуществления ими коммуникативных функций, но уже не в бытовой, а в обрядовой сфере, что не мешало, однако, включению в обряд и бытовых диалогов. Последние ведутся на протяжении всего свадебного обряда.

Попробуем хотя бы в общих чертах дать классификацию диалогов свадебного обряда. Просмотренные материалы показали, что ритуальные диалоги между действующими лицами произносятся только в определенных моменты обряда, а именно: во время сватовства, приезда за невестой (проводы к венцу) и за свадебным столом (до ухода молодых в подклеть). Участниками диалогов являются различные лица, но главное из них — дружка, на долю которого падает три четверти всех исходных реплик.

В функцию дружки входит, прежде всего, произнесение ритуальных формул; потом уже идет импровизация реплик, как правило, требующих нетрафаретного ответа.

Не исключено, что ритуальные реплики восходят к тому времени, когда в дружки выбирали человека не только способного противостоять колдуну, но и самого колдуна¹⁴.

В противоположность дружке, жених и невеста вообще не произносят никаких слов (что это — табу, оберег?). Все, что происходит вокруг них направлено на обеспечение их благополучия.

Диалог всегда целенаправлен. Его целенаправленность в свадебном обряде зависит от той традиционной ситуации, в которой он произносится.

Диалог служит обычно для получения реальной и условной информации, а также для «отвода порчи». Но и первое и второе направлено на достижение основных целей: приобрести работницу и продолжательницу рода, с одной стороны, а, с другой — получить выкуп за нее.

Назовем основных лиц свадебного обряда, между которыми ведутся диалоги, это: 1) сваты и мать (родители невесты); 2) дружка и мать невесты; 3) дружка и брат невесты; 4) мать невесты и «подневестницы». (Первая подает вторым полотенца, сопровождая свое действие бытовой репликой; подневестницы отвечают традиционными формулами); 5) дружка и сватья со стороны невесты (во время приезда жениха); 6) дружка и сват (после венца); 7) жених и брат (сестра) невесты (во время выкупа невесты перед венцом); 8) дружка и отец невесты, мать, ребята (во время «окликанья к сыру», перед отъездом к венцу); 9) дружка и родители жениха, женщины и др. (перед отъездом жениха за невестой); 10) дружка и «поварушка» (перед отправлением к венцу и за свадебным столом); 11) дружка и родители жениха (при произнесении благодарности); 12) дружка и подневестницы (за свадебным столом); 13) дружка и односельчане («заламывание дороги» свадебному поезду); 14) сваха — свекр и свекровь («при передаче приданого»); 15) сестра (подруга) невесты — родня жениха (во время расплетения косы перед венцом); 16) жених и подневестницы, поезжане; 17) дружки жениха и невесты (перед отправлением к венцу).

Все эти коммуникации, осуществляемые посредством диалога строго закреплены, как за ситуацией, так и за действующими лицами свадебного обряда.

¹³ Д. К. Зеленин. Табу слов у народов восточной Сибири и северной Азии, ч. II — «Запреты в домашней жизни». — Сборник Музея антропологии и этнографии, т. IX, Л., 1930, с. 159.

¹⁴ Н. П. Гринкова. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии. (Из материалов Верхне-Волжской экспедиции Российской академии истории материальной культуры). — «Ржевский край», сб. 1, Ржев, 1926, с. 117.

Существует твердо установленный сценарий, определяющий структуру свадебной игры и все ситуации каждого эпизода. При этом за каждой ситуацией закреплены как отдельные сверхфразовые единства (клише), так и цепи сложных речевых клише¹⁵, составляющих различные по своей структуре диалоги и типы диалогов.

Последние группируются на пересечении реальной и условной, игровой ситуации. При этом намечаются следующие типы диалогов:

1) Обмен участников диалога равноценными репликами типа «клише — клише». В свадебном обряде, в его особо важных эпизодах (свадьба и приезд за невестой) «цепь клише — цепь клише» возникает как со стороны отправителя информации, так и со стороны получателя. При этом особый интерес представляет соотношение потенциальной речи и выражение ее в реальной (что говорится и что имеется в виду).

2) Реплика отправителя (клише или цепь клише) — реплика получателя (импровизация).

3) Реплика отправителя (клише или цепь клише) — реплика получателя (выражена действием).

4) Вместо первой реплики — действие, ответ — клише или цепь клише.

5) Бытовая реплика — бытовая реплика.

Можно рассматривать диалог и в другом аспекте: с точки зрения соотношения числа участников. Например: один спрашивает — один отвечает; один спрашивает — отвечают многие одновременно; многие спрашивают — один отвечает; многие спрашивают — многие отвечают.

Рассмотрим теперь эти положения на примерах:

1) *Цепь клише — цепь клише.*

«В Ветлужском уезде сваты заходят к соседям, а не в дом родителей невесты. Поднося вино и угощая родителей и хозяев дома, сперва говорят о посторонних предметах.

Наконец родители невесты спрашивают:

— Што вы за люди и што вздумали зелено вино лить?

Сваты:

— Ехали мы лихо, въехали тихо, охотники-купцы, честные молодцы. Есть у нас барашек-бегун, а ищем мы ему ярочку. А баран да ярочка — вековая парочка.

Родители — делают вид, что не понимают.

Отец жениха:

— Есть у нас соболь красной, а еще ему нужно куничку — красную девичку.

Родители невесты:

— Если вы не лихие вороги, так просим милости нашим угощением не побрезговать.

Сваты:

— Вы сперва спросите нас, по што мы приехали, мы ведь приехали не пир пировать, не столы ставить, а в сватах.

Родители невесты:

— Просим милости.

Затем родители невесты начинают хаять свою дочь»¹⁶.

Здесь участники диалога обмениваются трафаретными, заранее известными формулами и поэтому информация, как таковая, равна нулю.

Приведем еще один пример этого же плана. В Белозерском уезде Новгородской губернии сваты не садятся, а стоят. Между ними и хозяевами происходит следующий диалог:

«Хозяева:

— Далеко ли вас бог понес?

¹⁵ Г. Л. Пермяков. От поговорки до сказки. М., 1970, с. 51; 60—67; 98—102 и др.

¹⁶ К. Мельникова, В. Цинциус. Северно-великорусская свадьба. — «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР», Л., 1926, с. 34—35.

Сваты:

— Да вот приехали к вам: у вас есть пшеница — красная девица, а у нас есть рожь — молодец хорош, так думаем, нельзя ли породниться»¹⁷.

В данном случае происходит обмен сложными клишированными формулами (цепь клишированных реплик). Разговор ведется как бы в двух планах: иносказательном и подразумеваемом реальном, латентном. Информация может быть и условной, даже нулевой (если договоренность уже достигнута полная и согласие невесты есть) и реальной, если приезд сватов недостаточно подготовлен или неожиданен.

Если допустить, что иносказательное словоупотребление связано с оберегом, а к этому есть свои основания, то станет понятным введение в свадебные диалоги заговоров, загадок, сказочных элементов.

Рассмотрим в этой связи диалог дружки и брата невесты перед отъездом к венцу. Дружка идет в избу. Около невесты, накрытой одеялом, сидит родственник или какой-нибудь односельчанин, умеющий загадывать загадки. Он одет в рваную большую шляпу; лица его почти не видно.

Дружка кланяется и спрашивает:

— Ты што тут за человек сидишь и кого стережешь?

Далее идет диалог:

— Я человек богом сотворен, отцом — матерью рожден, духовным отцом крещен, а стерегу здесь свою милую и любимую сестрицу, а вам что нужно?

— Нам нужно свою суженую-ряженую; не здесь ли она находится?

— Нет, здесь вашей суженой-ряженой нет; она написана, намазана и ко огороду привязана; как же вы ехали и ее не заметили?

— Нет, мы ее видели, но во время езды наши кони испугались, скакались, огороды все приломали и ее затоптали, но та не наша суженая, не наша ряженая, наша здесь.

— Здесь вашей суженой нет, а лежит тут моя милая сестрица, ваша же суженая находится далеко: на море—океане лежит большая плита, под плитой сундук, в сундуке — заяц, в зайце утка, в утке — яйцо, в яйце ваша суженая-ряженая, — вам ее не достать.

— Нет, мы ее достали: когда ехали по океану, то застала нас буря, мы опустили в море якорь, якорем отворотили плиту и вытащили большой сундук; сундук разбили, оттуда выскочил заяц; зайца наши собаки разорвали, из зайца вылетел утенок, мы этого утенка застрелили и из него достали яйцо, разбили яйцо, но суженой нашей не нашли, она здесь.

— Ее здесь нет, а без меня ее вам не найти.

Дружка дает деньги и оба уходят¹⁸.

Следующий пример — разговор дружки, свата и свахи.

Дружка, приехавший со свадебным поездом, подходит к дому невесты и спрашивает:

— Сватушка любезный и сватыюшка любезная, было ли у вас сватовство, было ли рукобיתье?

— Было, было, сватушка любезный, все было!

— Ну, так куда нас примете, сватушка любезный, — в доме, на подворье, или же домой отправите?

Следует приглашение в дом. Дружка и жених идут к крыльцу или к воротам, которые заперты.

Дружка крестит их кнутом и приговаривает: — Во имя отца и сына и святого духа.

Следует ответ:

— Аминь.

Прибывших впускают в сени, но дверь в избу тоже заперта.

¹⁷ Архив Академии наук СССР (далее ААН СССР), ф. 104, оп. 1, № 409 (Новгородская губ. Белозерский уезд).

¹⁸ Там же.

Далее идет диалог свахи невесты и дружка: «На чем стоишь? — На ногах — Ноги на чем? — На чулках. — Чулки на чем? — На подошвах. — Подошва на чем? — На подметках. — Подметки на чем? — На гвоздях. — Гвозди на чем? — На полу, — Пол на чем? — На переводинах. — Переводины на чем? — На столбах. — Столбы на чем? — На камнях. — Камни на чем? — На земле. — Земля на чем? — На воде. — Вода на чем? — На огне. — Огонь на чем? — На плите. — Плита на чем? — На рыбе ките. — Рыба кит на чем? — На трех аминах»¹⁹.

Введение фольклорных мотивов оправдано здесь еще и тем, что одним из сюжетов свадебного сценария, подобно сказочному, является преодоление героем (женихом) различных препятствий для достижения цели, т. е. получения невесты.

Все это дает основание предположить, что иносказательная форма диалога в свадебном обряде более ранняя, но со временем она постепенно утратила свое значение оберега и перешла в бытовой деловой разговор, подсказанный ситуацией.

2) *Цепь клише (клише) — импровизация.*

В то время, как молодые едут к венцу, сваха везет приданое невесты в дом жениха.

Подъезжая к закрытым воротам, она кричит:

— Отворяйте ворота, — татарин едет!

Родители жениха с шутками открывают ворота, поднося свахе стопку вина²⁰.

3) *Цепь клише (клише) — действие.* Диалог дружки и матери невесты. Он относится к тому моменту свадебной обрядности, когда дружка вместе с женихом приезжает к невесте. Девушки при этом поют, стараясь помешать разговору. В случае ошибки одного из участников разговора все начинается сначала.

Все входят в дом. Мать невесты спрашивает дружку:

— Что привез?

В ответ тот показывает и ставит на божницу икону спасителя, которой благославляли жениха.

Мать задает новый вопрос:

— Есть ли у вас бумага неписанная читать неученому? Тогда дружка подает свахе поднос с пирогами и деньгами, который ставит на стол перед невестой²¹.

Это выкуп места за столом для жениха и его дружки, занятого подругами невесты.

4) *Действие — цепь клише (клише).*

В Казинской и Харинской волостях Ржевского уезда дружка выводил невесту из толпы подруг, одинаково одетых и покрытых покрывалом. Если происходила ошибка, все кричали:

— Здравствуй дружка, косые глаза.

Жених за невестой в этих волостях не ездил²².

В Андреапольском районе Калининской области существовал такой обычай: невеста становилась среди других девушек. Всю группу покрывали платком, а на руки девушкам надевали рукавички. Жених, также в рукавичках, по рукам должен был отыскать свою невесту. В случае ошибки жениха все гости кричали:

— Хороша Маша, да не ваша²³.

5) *Бытовая разговорная реплика — бытовая разговорная реплика.* Отец и мать, собираясь женить сына, идут сватать девицу. Вот приходят они в дом.

¹⁹ ААН СССР, ф. 104, оп. 1, № 409 (Новгородская губ., Белозерский уезд).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Н. П. Гринкова. Указ, раб., с. 128.

²³ Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее АИЭ АН СССР), ф. 962, кол. 1, оп. 2, с. 8.

Возникает следующий диалог:

— Драстуйся, — говорит сват, — я вот к вам пришел, у вас есть невеста, у нас жених — давайте свататца.

— Давайте, как нажиток?

— У нас жить можно ²⁴.

Количественные соотношения лиц, участвующих в свадебном диалоге, можно охарактеризовать на следующих примерах:

1) *Один — один.*

День свадьбы. Дружка и жених приезжают за невестой. Ворота в доме невесты закрыты.

Дружка просит впустить:

— Брат, впустите во двор, путь дальний, дорога и погода плохая, перемерзли.

Поддружье невесты:

— Нельзя, брат, двор занят.

— Чем занят?

— У нас полон двор гусей, утей, лебедей.

— Прошу, пожалуйста, заprite гусей в гусятник, утей в утятник, лебедей в лебедятник, двор очистите, а нас пустите.

— За чем вы приехали?

— Да за вашей княгиней.

— Наша княгиня сегодня не в исправности, — решетом воду носила, снегом баню топила, а сама чумичкой сидит.

— Наш князь молодой, винображный взял с собой мыло, белило, сватьи-прачки, они вымоют, а княгиню отдайте.

— Брат, двор-то заперт, наша княгиня молодая винображная, по саду гуляла, ключи потеряла.

— Наш князь винображный по саду гулял, ключики поднял ²⁵.

Ворота открываются. Первым входит дружка.

2) *Один — не один.*

Утро в доме жениха в день свадьбы. Дружка — поезжане.

После присяги и обрядового одевания жениха дружка выводит его из избы в сени, а сам, войдя в жилую избу, обращается к родителям жениха и присутствующим:

— Гости званые и незваные, тихая беседа, веселая игринная, благославляли князя винображного, а теперь благославите в хату зайтить и за столы посадить, за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за напитки пьяные, хлеба — соли кушать, лебедь белую рушить, добрых людей послушать.

Все отвечают: — Бог благославит! ²⁶.

В день свадьбы дружка говорит мужчинам, собравшимся в доме жениха:

— По полу ходящи. Посреди стоящи добрые молодцы! Удалые головы, широкие бороды! Кто стар, сед, тот дедушка; кто усат, да бородат, тот дядюшка; кто млад, тот милый брат, благославляйте новобрачного князя в путь ехать.

Ему отвечают:

Бог благославит! ²⁷.

3) *Не один — один.*

Жители деревни, через которую проезжает свадебный поезд, в день свадьбы закрывают ворота на околице и спрашивают:

— Што такой сполох, такой крик, стой, раньше тихо ездили.

²⁴ «Свадебный обряд в Калужской губернии, село Сильковичи Моельского уезда, запись В. Н. Добровольского». — «Живая старина», СПб., 1902, вып. II, с. 214.

²⁵ Н. П. Гринкова. Указ. раб., с. 127; АИЭ АН СССР, ф. 1962, колл. 1, оп. 2, с. 6 (Андреапольский р-он Калининской обл.).

²⁶ Н. П. Гринкова. Указ. раб., с. 120. (Тверская губ., Ржевский уезд).

²⁷ ААН СССР, ф. 104, оп. 1, № 166 (Кинешемский уезд, Костромская губ.).

Дружка или поддружье отвечают:

— У нас князь молодой, винобразный ладил (там-то) княгиню брать.

— Ну на наш сполох платите ушат пива да пуд пирогов!

— Мы вам пирог возем, как суму, зараз у рот сунуть, за кружку пива²⁸. Расплачивается с женщинами деньгами, с мужчинами пивом.

4) *Не один — не один.*

Дружка и его помощник (поддружье) садятся на разостланную на лавке под образами шубу и обращаются к отцу:

— Как прикажешь — нам посидеть или детей посадить?

Отец отвечает:

— Желая детей посадить!

Сидящие требуют выкуп.

Отец наливает вина. Выпив, дружка встает, сажает жениха рядом с поддружьем, берет того и другого за ворот и приговаривает:

— Вот вам честь и место, вам сидеть да чваниться, а нам низко кланяться!²⁹

Следует заметить, что если в бытовом диалоге информационная функция тесно связана с экспрессивной, т. е. со стремлением собеседника выразить свое отношение к явлению, то в свадебном диалоге это исключено. Фольклорный свадебный диалог традиционен, он не выражает отношения говорящего к конкретному моменту, а воспроизводит определенные условные формулы-клише, закрепленные за данной ситуацией.

Диалог свадебного обряда — это особая структурная схема, определяемая коммуникативной заданностью с устойчивыми синтаксическими и фразеологическими единицами.

Таким образом, модели диалогов оказываются твердо закрепленными за ситуацией, вызвавшей ту или иную коммуникацию. Диалог свадебного обряда — это не проявление художественного метода данного исполнителя или исполнителей, как это бывает характерно для литературных произведений, а традиционный диалог определенной этнической группы. Изучение диалогов — один из методов, который в совокупности с другими позволит понять сущность верований и представлений славянских племен, живших некогда на территории России.

²⁸ Н. П. Гринкова. Указ. раб., с. 12.

²⁹ Там же, с. 120.